

— Брат Мо, ну как ты? Голова всё ещё раскалывается?

Линь Сыхань постучал в дверь ванной. Когда дядюшка Мо проснулся, лицо его пылало. Он тут же сгрёб в охапку простыню с одеялом и сбежал отмываться.

— Унялась, — глухо отозвался Сян Мо сквозь зажатую в зубах сигарету.

— Давай я хоть постельное выстираю и штаны твои, а ты иди полежи!

— Сам справлюсь, отдыхай.

Сян Мо сощурился, глядя на испачканное бельё и простыню, и мысленно осыпал себя не самыми лицеприятными эпитетами. Тридцатник с гаком стукнул, а он всё как подросток — от какого-то сновидения штаны изгадил. Позорище.

Головная боль действительно отступила, оставив лишь ватную слабость в теле. Тем не менее Сян Мо тщательно оттер каждое пятнышко, выжал вещи и вывесил на балкон. Окурок во рту давно размок от пара и погас, но дядюшка Мо всё не выпускал его, впитывая языком привычную табачную горечь.

Эти приступы начались года два назад. Случались они нечасто, но каждый раз выматывали до предела — без мощных анальгетиков было не обойтись. И всякий раз, стоит боли сморить его в беспамятство, приходили сны. Вот только стоило открыть глаза — и от них оставались лишь смутные обрывки.

Нынешнее утро не стало исключением. Ночной гость растворился без следа, оставив лишь неясный силуэт. И силуэт этот, казалось, был утыкан невидимыми крючками — они въедались в память, будоражили тело и заставляли постыдные подробности сна разрастаться с новой силой.

Сян Мо старательно оттирал ткань, пытаясь вспомнить хотя бы черты лица, но безуспешно. Впрочем, ему не привыкать. Чтобы избавить себя от новой волны головной боли, оставалось только одно — силовым усилием заглушить этот сумбур в голове.

Сян Мо проспал часов восемь. Всю эту ночь Линь Сыхань не отходил от него: дремал прямо на диване, а к утру успел сварганить кастрюлю жидкой рисовой каши.

Сян Мо с аппетитом умял пиалу, сменил воду в тазике у своей любимицы — маленькой черепашки Пипи — и выпроводил Сяо Ханя отсыпаться. Сам же направился к выходу.

Ему всё ещё нужно было разнюхать хоть что-то о Чи Юняне. Пусть Хуай Янь и пообещал содействие, перекладывать всё на чужие плечи Сян Мо не привык.

Хуай Янь вернулся из Центральной больницы прямо в офис. Разгребя самые горящие дела и пожертвовав ужином ради лишнего часа свободного времени, он забрал у Ци Еляня свежие наводки вместе с дубликатом ключей и выехал на улицу Миинь.

Лао Ци запеленговал Сян Мо: тот снова ошивался в местном клубе с ночными бабочками.

Когда Хуай Янь переступил порог заведения, вечеринка была в самом разгаре. На первом этаже, где располагались бар и центральная сцена, яблоку негде было упасть — полуобнажённые танцоры заводили толпу откровенными движениями.

Хуай Янь бегло осмотрел зал — нужного человека видно не было. Пришлось протискиваться к стойке.

— Извините, Сян Мо ещё здесь?

Бармен, не отрываясь от шейкера, бросил:

— А, господин Сян? Только что вышел, минуты три-пять назад.

Раз цель ушла, задерживаться в этом угаре Хуай Янь не собирался. Бросив короткое «спасибо», он повернул к выходу.

В центре холла царила толкотня. Хуай Янь боком пробирался сквозь людскую массу, как вдруг ощутил, как чья-то наглая ладонь с силой сжала его бедро. Это не было случайным касанием в тесноте — его сжали вполне намеренно и бесцеремонно.

Не успел Хуай Янь вспыхнуть, как перед ним выросла туша нетрезвого верзилы. Скользнув по нему сальным взглядом, пьяный выдохнул:

— Ого... Новый мальчик? Где только хозяин отрывает такой эксклюзив... Ссу-ка, ну и породистый же сукин сын...

Строгий крой костюма и белоснежная рубашка Хуай Яня на первый взгляд действительно смахивали на униформу местных эскортников. С той самой секунды, как он вошёл, на него глазела добрая половина зала — кто с любопытством, кто с нескрываемым вожделением.

Вот только за этой ледяной, точёной красотой и безупречной осанкой угадывалась порода, которую не вытравить ничем. Назвать такого человека «мальчиком по вызову» не рискнул бы ни один здравомыслящий посетитель. Взять его силой или предложить деньги? Да на нём отпечатано превосходство — к нему даже подходить опасались, ограничиваясь созерцанием

издалека.

И лишь один упившийся в хлам дебошир, чьи мозги окончательно разъела похоть, решил испытать удачу.

— Пошли со мной на ночь, а? Дай мне развлечься как следует...

— Назови цифру.

— Сколько хочешь?

От пьяного перегара Хуай Яня тошнило. Когда лапища пъячуги вновь потянулась к нему, Хуай Янь без раздумий впечатал звонкую пощёчину прямо по этой сальной роже.

— Пошёл вон, — отрезал он металлическим тоном.

Хуай Янь развернулся, разминая кисть, но оглушённый наглец не отстал. Потирая ушибленную щёку, он поднёс ту же ладонь к носу, втянул воздух и ухмыльнулся с мерзким, пьяным кайфом.

— Бля-я, а ты с характером... Какая разница, сколько! Всё дам! Сотка за ночь устроит? Мало? Дам двести!

В пропитой башке не осталось ни одной здоровой мысли — он был готов выгрести всё до копейки, лишь бы урвать этот кусок.

— Ну и задница у тебя... Сзади глянешь — с ума сойти можно. Обожаю таких строптивых. Да у меня от одного вида всё горит! Не веришь — потрогай!

С этими словами пьянь граблей рванулась к его рукаву. Намерение задеть одежду оборвалось на полуслове: Хуай Янь развернулся молниеносным вихрем, и его сжатый кулак со свистом впечатался аккуратно в переносицу обидчика.

Брызнула кровь. Взверев: «Сука!», верзила замахнулся, но Хуай Янь опередил его — хлёсткий, жестокий удар обутой ноги пришёлся прямо в грудь.

Хуай Янь годами шлифовал рукопашный бой, и в этот удар вложил всю массу и злость. Узрев небеса в алмазах, пъячуга с глухим стоном рухнул навзничь, зацепил затылком и поясницей угол мраморного стола и растянулся на полу, захлёбываясь соплями и кровью.

Официанты с подносами привычно шарахнулись в стороны, спасая дорогой алкоголь.

Вокруг тут же образовался свободный пяточок. Толпа зевак в несколько рядов с интересом наблюдала за развязкой; кто-то восхищённо свистнул: «Красава, пареньь!», а секьюрити заведения, лениво пережёвывая жвачку и скрестив руки, просто наслаждались зрелищем.

Драки здесь вспыхивали каждый вечер, имущество клуба не пострадало — к чему вмешиваться? К тому же взбешённый Хуай Янь выглядел до того эффектно, что глаз оторвать было невозможно.

Впрочем, работать на публику Хуай Янь не собирался. Поверженный гигант стонал на полу, умытая юшкой и тщетно пытаясь утереть лицо рукавом.

Даже не брезгуя повторным взглядом, Хуай Янь круто развернулся и растворился в сумерках улицы.

Переулок 68 отделялся от злачного заведения всего парой нешироких проездов. Это был самый центр улицы Миинь, поэтому и застройка, и асфальт выглядели чуть опрятнее, чем на глухих окраинах. Хотя «опрятнее» — громко сказано.

Улица лишь казалась чуточку шире, мусора под ногами было поменьше, да фасады смотрелись не столь убого. Вдоль подворотен шныряли бродячие псы, выискивая съестное в переполненных баках, а из тёмных подвалов несло кислым душком гниения.

Переулок тянулся долго, сужаясь с каждым шагом. Кое-где фонари давно испустили дух, лишь изредка судорожно мигая желтоватым светом. Редкие окна нижних этажей роняли тусклые, немощные лучи, терявшиеся в непроглядной темени.

Искусственное солнце Подземного города сюда не проникало. На улице Миинь не существовало смены дня и ночи — круглосуточный мрак разгоняли лишь электрические лампы, и местные жилые трущобы давным-давно сроднились с этой вечной тьмой.

Наконец Хуай Янь остановился перед нужным подъездом. Перед ним теснились обшарпанные трёхэтажки постройки прошлого века. Тёмно-серая штукатурка пошла глубокими трещинами и осыпалась пластами, у входа громоздкими тушами стояли баки, а стены и ступени лестницы снизу доверху были залеплены липистыми рекламными наклейками.

Поднявшись на третий этаж по тёмной лестнице, Хуай Янь постучал. Тишина. Приложил ухо к дверному полотну — ни звука.

Мысль о том, что ломиться в чужое жильё неэтично, испарилась без остатка, стоило Хуай Яню нащупать в кармане ключ, заботливо переданный Ци Елянем. Замок поддался бесшумно и легко.

Хуай Янь не стал задаваться вопросом, где Лао Ци добыл дубликат — у того всегда имелась тысяча способов получить желаемое.

В квартире никого не было, но горел свет. Помещение оказалось крошечным, но аккуратным: скромная «однушка» с деревянной мебелью из прошлого столетия. На лакированных подлокотниках кресел облупилась краска, придавая им сиротливый вид, зато вдоль стены ровными стопками выстроились пластиковые короба для вещей.

Раз уж он переступил порог, стесняться не имело смысла. Желание узнать о Сян Мо как можно больше с лёгкостью потопило последние капли совести. Хуай Янь направился вглубь чужого личного пространства.

В спальне — одинокая подушка, аккуратно застланная кровать, пара книг на тумбочке и скромный набор одежды в шкафу. На балконе сохнут свежевystищенные брюки и простыня.

Санузел тоже не отличался размахом, но раковина сияла чистотой: бритвенный станок, зубная щётка, паста да пара флаконов недорогого геля и шампуня из ближайшего супермаркета.

В синем пластиковом тазике у стенки шевелила лапками крошечная черепашка размером с ладонь. Хуай Янь осторожно коснулся её панциря — малышка тут же спрятала голову.

Каждая деталь в этой квартире прямо говорила: её хозяин живёт один.

Хуай Янь почувствовал, как в груди теплеет. Он взял со стойки бритвенный станок. Не электрический — старый, классический, со сменными лезвиями.

Чжу Чэньюань всегда признавал только такие: утверждал, что только лезвие способно сбрить щетину дочиста. Металл ещё не высох полностью, от него едва ощутимо веяло свежей пеной с ароматом лимона и мяты.

Бывало, Чжу Чэньюань уезжал в инспекции на два-три дня, а возвращался совершенно заросшим. И каждый раз требовал, чтобы Хуай Янь помог ему побриться. В огромной ванной он непременно упирался руками в раковину, зажимая Хуай Яня в тиски своего тела, задира л подбородок и с закрытыми глазами ждал, пока прохладное лезвие скользнёт по коже.

А до бритья — и сразу после — он любил уткнуться носом Хуай Яню в шею, кололся жёсткой щетиной, ластился, точно неуклюжий пёс...

Воспоминания увлекли его слишком далеко. Когда снаружи раздались тяжёлые шаги, прятаться было поздно. Хуай Яню только и оставалось, что шагнуть за непрозрачную перегородку душевой.

Сян Мо вошёл в ванную, принес с собой стойкий шлейф алкоголя. Хуай Янь прижался спиной к кафелю и замер, затаив дыхание.

— Пипи, ну что, наелась? — Сян Мо остановился у раковины. Уходя, он вымыл тазик, но забыл вынести его в комнату.

Немного понаблюдав за питомицей, Сян Мо устало потёр переносицу. Чтобы выудить хоть какие-то вести о Чи Юняне, ему пришлось выпить лишнего. Голова гудела, тело ломило от усталости, и всё, чего ему сейчас хотелось, — это принять горячий душ и рухнуть в кровать. Завтра ждал тяжёлый день.

Сян Мо скрестил руки на животе, поддевая пальцами край футболки, но, собираясь сдёрнуть её через голову, боковым зрением уловил чужое присутствие.

Матовое стекло перегородки скрывало лишь часть ниши, и там отчётливо угадывался силуэт.

— Кто здесь? — Сян Мо мгновенно отступил к двери, готовясь к нападению или защите, и вьедливо уставился на тень.

Поняв, что разоблачён, Хуай Янь спокойно вышел на свет. Ни тени смущения на строгом лице. Он плавно поправил идеальный воротник и встретился с хозяином взглядом:

— Господин Сян, какая встреча.

Тусклый свет ванной очертил точёный профиль Хуай Яня. Хмель с Сян Мо как рукой сняло. Он замер на мгновение, но тут же овладел собой и чуть искривил губы в насмешливой полуулыбке:

— Господин Хуай у нас, оказывается, любитель ночных визитов? Прячетесь в чужой ванной... Вы ради моей черепахи так старались или надеялись застать меня без одежды?

В голосе Сян Мо звучала лёгкая ирония пополам с опасной подначкой. Поняв, что прямой угрозы нет, он расслабленно опёрся плечом о дверной косяк:

— Если первое — то на выходе из 68-го переулка сверните направо. Через две улицы птичий рынок, он ещё открыт. А если второе... Что ж, вынужден расстроить, вряд ли я смогу оправдать ваши ожидания.

Воздух между ними, казалось, наэлектризовался. Хуай Янь неторопливо сделал шаг вперёд.

Сян Мо не сводил с него глаз. То ли хмель не окончательно выветрился, то ли усталость сказывалась, но силуэт стоящего перед ним мужчины внезапно совпал с тем смутным образом

из сегодняшнего сна.

Вслед за этим вспыхнуло то самое, дикое и трудноконтролируемое желание. Сян Мо въедливо уставился на шею Хуай Яня. Никаких родинок. Лишь кадык, дёрнувшийся от плавного глотка.

Сян Мо резко отвёл взгляд, силясь подавить внезапный сумбур в мыслях. Пусть Хуай Янь и твердит, будто они были любовниками в прошлой жизни, для самого Сян Мо этот человек оставался почти незнакомцем. Подобные мысли были перебором.

Сян Мо всегда считал себя человеком с железной выдержкой. Когда работа не оставляла свободного времени, он справлялся со своими потребностями сам — без лишних фантазий и глубоких чувств, просто чтобы снять напряжение.

Хуай Янь сделал ещё шаг. Сян Мо вскинул руку, оперевшись ладонью в противоположный косяк и перекрывая выход:

— Раз уж пришли... может, поговорите со мной?

— О чём?

С приближением Хуай Яня проявился и его запах — нежный, едва уловимый, словно капли утренней росы на кувшинке. Он обдавал свежестью и невольно уносил мысли в прохладу раннего лета, хотя за окном стояла глубокая осень.

Сян Мо собирался спросить совершенно о другом, но, поймав этот тонкий шлейф, ляпнул не задумываясь:

— Вы пользуетесь парфюмом? Что за марка?

— Что? — Хуай Янь явно не ожидал такого вопроса.

Сян Мо провёл пальцем по кончику носа, пытаясь замять неловкость:

— Э-э... Я к тому, что раз вы здесь, то всё ещё видите во мне своего Чжу Чэньюаня?

Хуай Янь тихо прочистил горло. Он был чуть ниже Сян Мо, поэтому слегка закинул голову, встречаясь с ним взглядом:

— Я не пользуюсь духами. Это гель для душа, его делают для меня по спецзаказу. Если хотите, могу дать номер парфюмера. Думаю, он сделает вам скидку.

Сян Мо убрал руку с дверного проёма:

— Что ж, спасибо. Но на будущее, господин Хуай... предупреждайте о визитах звонком. Врываться в чужой дом посреди ночи — это как минимум... невоспитанно.

И, сделав паузу, добавил:

— К тому же это наводит на нехорошие мысли.

— На какие?

— Подумают, что у нас тайная связь... Погубят мою репутацию...

Хуай Янь молча кивнул, показывая, что услышал. Он спокойно прошёл мимо, вышел в коридор, открыл входную дверь и защёлкнул за собой замок. В этот момент из соседней квартиры выходила соседка с мусорным пакетом — Хуай Янь вежливо приветствовал её кивком.

Затем достал телефон и набрал номер Сян Мо.

Когда в динамике раздался щелчок, Хуай Янь произнёс безупречно вежливым тоном:

— Господин Сян, я стою у вашей двери. Позвольте поинтересоваться: мне удобно сейчас войти?

Дверь тут же распахнулась. Сян Мо с той же подчёркнутой галантностью отступил в сторону:

— Ах, господин Хуай! Проходите, пожалуйста.

Соседка застыла с пакетом в руках, переводя изумлённый взгляд с одного на другого:

— Ребята, вы во что это играете?..

Перед тем как затворить дверь, Хуай Янь подарил озадаченной женщине ослепительную улыбку:

— Мы интрижку крутим...

Дверь хлопнула. Соседка осталась один на один с мусорными ведрами:

—... Я что, только что стала декорацией в их ролевых играх?

<http://bllate.org/book/20433/2115286>